

ИСПЫТАНИЕ ЧУВСТВ

ОЛЬГА
СТРОГОВА

Дневник грешницы

ЭКСМО
Москва
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
С 11

Художественное оформление серии
и иллюстрация на обложке *В. Половцева*

Строгова, Ольга.

С 11 Дневник грешницы : роман / Ольга Строгова. — Москва : Эксмо, 2014. — 320 с. — (Испытание чувств. Романы Т. Корсаковой и О. Строговой).

ISBN 978-5-699-72539-7

Ирина была влюблена. В женатого. Но этот факт ее не слишком смущал, ведь она, Ирочка, гораздо красивее и достойнее соперницы, осталось только дать избраннику время сделать правильный вывод. А для этого женщина придумала совместное дело, связанное с расследованием семейной истории, сохранившейся в письмах и дневниках. Но события пошли не по сценарию Ирины...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Строгова О., текст, 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-72539-7

Милая Жюли!

Мой ангел, прости, что я долго не писала к тебе; поверь, я поступала так оттого, что не могла сообщить ничего приятного.

Тебе известно, конечно же, что дела наши в последнее время стали совсем нехороши. Папенька снова играл в карты у князя Д., и снова несчастливо. Мне горестно было видеть его в таком состоянии, но еще более огорчило то, что папенька опять принялся говорить о моем браке с князем.

Ах, Жюли, если бы я не знала папеньку как человека в высшей степени доброго и благородного, то могла бы подумать, что деньги для него дороже счастья единственной дочери!

Вся беда в том, что князь Д. — старинный папенькин друг. Он очень богат, совершенно одинок и вдобавок, как оказалось, сильно в меня влюблен. Папенька уверяет, что князь превосходный человек и будет мне добрым и заботливым мужем.

Со свойственной ему откровенностью (о, я уважаю и преклоняюсь перед ним за то, что он

говорит со мной не как с ребенком, а как с равной себе) папенька объяснил, что в нашем положении я едва ли могу рассчитывать на другую приличную партию. При этих словах он опустил голову, и на ресницах его блеснула слеза — он, бедный, считает себя виновным в том, что у меня нет приданого.

— Мне ничего не нужно, — чуть слышно произнес он, — но ты, дочь моя, не должна ни в чем испытывать недостатка!

Я не могла этого вынести. Я бросилась к нему на шею, и мои рыдания смешались с его тяжелыми, разрывающими сердце вздохами.

— Папенька, — воскликнула я, — не говорите так! О, чего только я не сделала бы для того, чтобы вы были благополучны и счастливы! Но умоляю вас: позвольте мне еще немного подумать... Мне нужно время, чтобы освоиться с мыслью, что князь Д., которого я знаю с детства и которого почитаю почти в той же степени, что и вас, будет моим мужем!

Папенька тут же успокоился, поцеловал меня в лоб, назвал истинной усладой своей старости, а себя — счастливейшим в мире отцом и спросил, не желаю ли я чего-нибудь.

Чтобы не огорчать его, я сказала, что решила принять приглашение и поехать на бал к Лопухиным.

Поверь, Жюли, в тот вечер мне было вовсе не до танцев и развлечений. Но я почувствовала, что не в силах больше оставаться дома, где в любой момент мог возобновиться этот столь

тяжкий для меня разговор. К тому же я знала точно, что князь Д. не будет на балу — он не в ладах со старым графом Л.

Сидя в карете рядом с папенькой, я пыталась думать о бале, о своем бальном туалете, за который еще не уплачено и бог весть когда будет уплачено модистке; о Петеньке Л. (помнишь розовощекого и голубоглазого, как херувим, корнета?); о фисташковом мороженом, которое только и умеют выделывать у Лопухиных... и о прочих милых и забавных вещах.

Но перед моим мысленным взором упорно представало широкое, багровое лицо князя с длинными полусуседами бакенбардами и его плотная, осанистая фигура. Признаюсь, милая кузина, воображение мое смогло, хотя и не без труда, нарисовать его в шлафроке и домашних туфлях, пьющего вместе со мной утренний кофий, но наотрез отказалось представить князя входящим в мою спальню.

В таком весьма далеком от безоблачного расположении духа я и прибыла на бал.

Первым встреченным кавалером оказался именно Петенька Лопухин. Он стоял у огромного зеркала на парадной лестнице, оправлял свой новенький гусарский ментик и подкручивал смешные соломенные усики — ты еще так удачно назвала их крендельками... Я холодно кивнула корнету, дав понять, что не расположена сегодня к пустой светской болтовне и кокетству, но он, разумеется, ничего не понял и увязался за нами следом.

Папа́ почти сразу же оставил меня, увидев за одной из приоткрытых дверей угол зеленого ломберного стола. Петенька подлетел мгновенно и пригласил меня на вальс.

Вальсируя с Петенькой и краем уха слушая его обычные любезности, я думала: уж не в последний ли раз я так танцую с галантным молодым человеком?.. Что, если, в довершение ко всему, князь Д. окажется тяжелого нрава и ревнив?

После вальса корнет, выговорив себе еще и мазурку, отвел меня к южному балкону, где я с облегчением увидала Кити Лукашину — в розовом платье, окруженную розовыми от волнения дебютантками. Ты, конечно, помнишь Кити — она насмешница и легкомысленна, как бабочка, но в моем нынешнем состоянии именно она и нужна была мне, чтобы немного отдохнуть и рассеяться. Петенька раскланялся с Кити и дебютантками, не преминув окинуть каждую внимательным взглядом, отчего те сделались совсем пунцовыми. Мы же с Кити как опытные светские дамы (шутка ли — второй сезон!), обмахнувшись веерами, сдержанно и спокойно принялись обмениваться впечатлениями. Чтобы отделаться от Петеньки, я послала его за мороженым, наказав непременно взять фисташковое.

— А мне — ананасное! — воскликнула Кити, прекрасно зная, что ананасного у Лопухиных не бывает. В черных глазах Кити прыгали хорошо знакомые чертики, и чувствовалось, что

ей не терпится сообщить мне нечто весьма любопытное.

— Ах, как хорошо ты сделала, chère Annette, что приехала нынче на бал, — начала было она; но тут оркестр заиграл польку, и перед Кити склонился старший брат Петеньки — Александр, жгучий брюнет и драгунский полковник. Кити, разумеется, не могла ему отказать.

Я же, снова почувствовав тоску и стеснение в груди, спряталась за увитую живыми виноградными листьями (это в декабре-то месяце!) колонну.

Ты, верно, недоумеваешь, отчего я так много места уделяю этим подробностям? Терпение, мой друг! Все подробности, все детали этого вечера врезались в мою память так, что стоит мне только закрыть глаза, чтобы снова увидеть белый с мраморными колоннами зал, розовый паркет, огни, отражающиеся в зеркалах, в золоченых рамах... услышать музыку, голоса, смех, шелест шелка и стук каблуков... ощутить знакомую теплую смесь ароматов пудры, цветов и духов, так сладостно кружившую наши беспечные головки...

Терпение, и совсем скоро ты узнаешь, как резко и бесповоротно этот вечер, этот шумный бал изменили всю мою жизнь!

Кити, порозовевшая от польки с драгуном, словно цвет платья отразился на ее белом, как молоко, лице, вернулась, вытащила меня из-за колонны и снова заговорила быстрым смеющимся шепотом:

— Нынче на балу ждут графа Б. — как, ты не знаешь? Но — уйдем отсюда, иначе нам опять помешают!

Мы с Кити прошли в зимний сад, раскрытые двери которого сулили полумрак, прохладу и относительное уединение. Я и в самом деле не знала, кто таков граф Б., но при звуке этого имени сердце мое как-то странно затрепетало. А еще говорят — все суеверие и не бывает предчувствий!

Мы уселись на резной деревянный диванчик, скрытый от любопытных глаз длинными перьями низкорослой пальмы.

— Ах, Annette, как я мечтаю познакомиться с графом! Да полно, неужто ты не читала прелестных романов госпожи Шталль? Граф Б. — тот самый герой Плевны, о котором она писала в «Розе Стамбула» и «Балканской истории» и в которого, по слухам, была долго и безнадежно влюблена! Только она и тогда уже была старухой, лет тридцати пяти, не меньше, и граф, разумеется, не ответил ей взаимностью!

Кити обмахнулась веером и захихикала.

О, я читала, разумеется, г-жу Шталль, но ее романы не оставили в моей памяти заметного следа — как-то все у нее выходило длинно, слащаво и ненатурально. Одни и те же героини, жгучие голубоглазые брюнетки, вооруженные одной саблей, спасали одних и тех же восточных красавиц, сражаясь с добрым десятком янычар, а красавицы дико вращали своими восточными глазами, то и дело лишаясь чувств — надо по-

лагать, от томной гаремной изнеженности. Кажется, среди героев и в самом деле был один русский граф, который ради разнообразия спас красавицу из гарема Видинского паши не с помощью сабли, а исключительно метко стреляя из двух револьверов.

— Но ведь с осады Плевны прошло больше двадцати лет, — попыталась я вразумить Кити, — граф Б., должно быть, и сам уже стар — не меньше сорока. Едва ли он теперь похож на героя романа. Старый, толстый, лысый, с бакенбардами, и борода венником, — дразнила я Кити, — и к тому же наверняка женат на турчанке — тоже старой и толстой. Она тебя отравит каким-нибудь турецким зельем, едва ты посмеешь приблизиться к ее мужу..

Кити от восторга заболтала ножками и стукнула меня веером по руке.

— Аннет, Кити, где вы? — услышали мы жалобный голос Петеньки, а потом и он сам воздвигся тонким, темным, словно вырезанным из черной бумаги, силуэтом на фоне ярко освещенного зала. Руки его были пусты, и Кити воскликнула:

— Как вы посмели, корнет, явиться без мороженого?

— Ах, mesdames, — жалобно отвечал Петенька, подходя к нам, — поверьте, я сделал все, что в моих силах! Но ананасного не нашлось. — Тут он поклонился Кити и, пользуясь тем, что она в преувеличенном негодовании отпрянула от него, ловко уселся на диванчик с ее стороны.

— Что же касается фисташкового, то негодяй лакей признался, что только что подал последнюю порцию графу Б. Ради вас, Аннет, я готов на все, и я не преминул бы обратиться к графу, а в случае отказа — вызвал бы его на дуэль, но, к величайшему моему сожалению, я с ним не знаком! От лакея я узнал лишь, что граф в курительной, и заглянул туда, но там оказалось столько пожилых важных господ, в том числе и наш генерал, что я...

— Что вы струсили и пошли на попятный, — заявила безжалостная Кити, поднимаясь. — Идем, Аннет. Подадим мсье корнету пример храброго поведения и познакомимся с графом сами.

— А как же мазурка? — упавшим голосом осведомился Петенька. — Анна Владимировна, вы же мне обещали!

На мгновение я заколебалась. Но Кити уже тянула меня за руку в сторону курительной, и к тому же корнета ни в коем случае не следовало поощрять! Во всяком случае, мне — почти невесте его превосходительства князя Д.

В знакомстве же с пожилым и женатым графом никто не смог бы усмотреть ничего предосудительного.

В дверях курительной, однако, Кити остановилась, вспомнив, что дамам заходить туда не следует.

— Что нам делать, Аннет? — с легкой тревогой спросила она, заглядывая в приоткрытую дверь. Я также заглянула — и убедилась, что Петенька не солгал: там и в самом деле находи-

лось множество солидных господ в мундирах и в штатском, удобно расположившихся на мягких диванах и в покойных венских креслах и ведущих степенные беседы под сливавшимися в причудливые ленты клубами синего табачного дыма.

— А, вот и моя Аннушка, — услышала я сзади голос папеньки, — ты, верно, ищешь меня?

Мы с Кити обернулись. Рядом с папенькой стоял высокий, очень красивый господин лет тридцати пяти — сорока со светлыми волосами и гладко выбритым загорелым лицом. Он был во фраке; но стройность его фигуры, тонкая талия, широкие, горделиво развернутые плечи и все то, что военные называют выправкой, свидетельствовало, что ему доводилось носить и мундир.

Господин поклонился нам с учтивостью истинного вельможи. Мы с Кити сделали реверанс по всем правилам Смольного института, хотя Кити едва удержалась, чтобы не рассмеяться.

— И Катенька здесь, — продолжал радостно папенька. — Позвольте, mesdames, рекомендовать вам: мой старинный знакомый, граф Алексей Николаевич Безухов.

* * *

Дочитав до этого места, Ирина Львовна Строганова в некотором волнении отложила в сторону ветхое, пожелтевшее, с давно выцветшими чернилами письмо и задумалась. Прошло больше ста лет с тех пор, как ее прабабка, Юлия Александровна, получила это послание. Однако

имя графа Ирина Львовна услышала совсем недавно и при каких-то весьма важных для нее обстоятельствах.

Вот ведь память стала! «Старею я, что ли? — расстроилась Ирина Львовна. — Да нет, не может быть!» Не сорок ведь еще (сорока лет Ирина Львовна побаивалась, как некоего рубежа), а как этому графу из письма — от тридцати пяти до сорока.

И фамилия его Безухов. Как у Пьера Безухова из «Войны и мира».

Может, я читала что-нибудь этакое? Вряд ли. «Балканскую историю» я точно не читала, а про мадам Шталль с ее героическими брюнетами даже никогда и не слыхивала.

Граф — высокий блондин, красавец и наверняка будущий герой романа этой самой Annette, иначе стала бы она разводить столь длительные подготовительные сентенции...

Безухов.

Горячо! Ну же, еще немного!

Ирина Львовна с коротким смешком закрыла глаза и откинулась в старинном бабушкином кресле.

Две недели назад она говорила по телефону с Карлом Роджерсом — тем самым, о котором были написаны первые ее книги. Карл сказал, что снова займется поиском своих русских корней, и у Ирины Львовны мелькнула надежда, что он вскорости приедет в Россию. Но про «вскорости» никакого разговора не зашло.

А три года назад, когда состоялось их знаком-

ство при обстоятельствах весьма необычных и, можно даже сказать, замечательных (тут Ирина Львовна мечтательно потянулась в кресле и вздохнула — да, были времена!), он вскользь упомянул, что его бабушка по материнской линии была русская. Урожденная графиня Безухова.

Ирина Львовна встрепенулась. Глаза ее, яркие, темно-зеленые — «У вас красивые глаза!» — говорили ей, потому что больше хвалить было, собственно, нечего, — загорелись молодым, ищущим блеском. Очень осторожно она развернула норовившие сложиться снова ветхие листы (из середины высыпался серенький порошок, прах засушенной сто лет назад фиалки) и продолжила чтение.

* * *

— Граф, это моя дочь Анна Владимировна и ее подруга, княжна Екатерина Дмитриевна Лукашина. Прошу, как говорится, любить и жаловать.

Граф поцеловал мне руку. Хотя на мне были шелковые перчатки, а поцелуй являлся обычной светской любезностью, мне показалось, что моей обнаженной кожи коснулся теплый июльский луч. Знаешь, как в те короткие дни, когда сумрачный Петербург на пару недель посещает благословенное лето и приходится прятаться от яркого солнца под кружевными зонтиками...

Ах, мы так бережем нежную белизну наших лиц и рук, и точно так же поступают мужчины